

ДИСКУРСИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ АГОНАЛЬНОСТИ В ПИСЬМЕННОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е. В. Соловьянова

Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко

Поступила в редакцию 22 ноября 2017 г.

Аннотация: в статье на основе общности основополагающих методологических принципов дискурсивного анализа и теории функциональной стилистики обосновывается возможность использования дискурсивно-стилистического подхода при изучении агональности речевого взаимодействия оппонентов в письменной научной дискуссии. Дискурсивный компонент данного подхода предполагает учет экстралингвистических факторов, оказывающих непосредственное воздействие на репрезентацию агональности; функционально-стилистический – изучение и выявление языковых средств ее выражения. Данный подход позволил выделить четыре типа агонального речевого поведения коммуникантов в письменной научной дискуссии – конфронтативный, дискуссионный, игровой и идеологический.

Ключевые слова: дискурсивно-стилистический подход, агональность, риторическая стратегия, тактика, тип речевого поведения.

Abstract: on the basis of the closeness of the fundamental methodological principles of discourse analysis and the theory of functional stylistics the author proves the integration of these two linguistic approaches to study the competitiveness of the language interaction of opponents in the written scientific discussion. The discourse component of this approach involves consideration of extra-linguistic factors having direct impact on the competitiveness representation; the stylistic component allows studying linguistic devices of its representation. Using the given approach the author identifies four types of competitive language behavior of communicators in the written scientific discussion – confrontative, argumentative, playing, and ideological.

Key words: discourse-stylistic approach, competitiveness, rhetoric strategy, tactics, language behavior type.

Проблема соотношения понятий стиля и дискурса является весьма актуальной в отечественной лингвистике. Попытки определить их статус впервые начинают предприниматься в начале 1990-х гг., когда термин «дискурс» стал активно использоваться в научной среде. Так, В. И. Карасик, отмечая нецелесообразность использования термина «функциональный стиль», относит его к «числу наименее удачных терминов в лингвистике» [1]. Противоположную точку зрения высказывает В. Е. Чернявская: «функциональный стиль и функциональная стилистика не может отрицаться современными дискурсивно-ориентированными подходами. Функциональный стиль сохраняет свою самодостаточную значимость как единица членения текстового континуума, как объект лингвистического анализа. Одновременно с этим дискурс как особый модус описания языковой деятельности значим как единица операционального анализа, добавляющая детализацию в наши представления о коммуникативной практике» [2, с. 94].

На непосредственную близость этих двух понятий указывает и Ю. С. Степанов, который отмечает, что первоначально термин «дискурс» употреблялся в значении, близком термину «функциональный стиль»

и понимался как «тексты в их текстовой данности и в их особенностях» [3, с. 35]. Однако всесторонне полно вопрос о соотношении дискурсивного анализа и функциональной стилистики рассматривается М. Н. Кожиной. Исследователь, не считая данные лингвистические направления тождественными, отмечает их близость, поскольку оба реализуют «речеведческий аспект теории языка» [4, с. 29]. В подтверждение своей точки зрения М. Н. Кожина дает подробное описание «общих параметральных признаков ключевого понятия (дискурса и функционального стиля):

- динамизм, процесс использования языка, когнитивно-речевая деятельность;
- детерминация изученного объекта экстралингвистическими факторами, условиями производства речи (высказывания);
- принцип системности при использовании языковых средств; взаимосвязь последних, эксплицирующая специфику дискурса и функционального стиля;
- историзм как дискурса, так и функционального стиля;
- тексты (письменные и устные) как результат речевой (дискурсивной) деятельности (воплощенности ее в текстах) и в то же время материал исследования;
- междисциплинарный метод анализа» [4, с. 25–26].

Данные положения, как справедливо отмечает автор, являются безоговорочными основаниями для объединения дискурсивной теории и теории функциональной стилистики и изучения текста с позиции дискурсивно-стилистического подхода.

Придерживаясь данной точки зрения, Е. А. Баженова предлагает и доказывает целесообразность и правомерность использования данного подхода применительно к научному тексту [5], что находит дальнейшее развитие в работе М. П. Котюровой: «...функционально-стилистический анализ научных текстов, их обобщенных свойств, а также характеристик, присущих текстам с типовым – научно-познавательным – содержанием, вполне может, а на данном этапе развития гуманитарной науки даже должен быть дополнен, углублен, расширен за счет дискурсивного анализа текста. Вместе с тем изучение текста, специально ориентированное на дискурсивный анализ, с учетом конкретных социальных и психологических особенностей автора, понимаемого как субъект познавательной-коммуникативной деятельности, также может быть дополнен, расширен, обобщен за счет функционально-стилистического анализа» [6, с. 29].

Полностью разделяя точку зрения указанных авторов, перейдем к рассмотрению реализации дискурсивно-стилистического подхода при изучении агональности речевого взаимодействия коммуникантов в письменной научной дискуссии. Выбор материала исследования не случаен и объясняется тем, что непосредственно в научной дискуссии (которая по своей природе не может быть нейтральна несмотря на общепринятый идеал академической коммуникации) неизбежно сталкиваются точки зрения, зачастую противоречащие друг другу. Следовательно, ее важной характеристикой является состязательность (агональность), которая предполагает «критическую оценку точки зрения оппонентов и «продвижение» собственных идей» [7, с. 16].

Е. И. Шейгал и В. В. Дешевова выделяют три разновидности состязательности (агональности) в дискурсе: конфронтативную, дискуссионную и игровую. В основе данной классификации лежит критерий интенциональности: конфронтативная агональность – это сигнал интенции говорящего понизить статус оппонента; дискуссионная агональность основана на желании коммуникантов установить истину; игровая агональность связана со стремлением участников дискурса получить удовольствие от вербального соревнования [8].

Исследование агональности с позиций функциональной стилистики и дискурсивного анализа объясняется следующими факторами.

Во-первых, материалом исследования. С одной стороны, тексты научных дискуссий являются жанровой разновидностью научного функционального

стиля, в котором транслируется объективное научное знание. С другой стороны, письменная научная дискуссия есть совокупность нескольких текстов статей, направленных на достижение компромисса между сторонниками противоположных точек зрения на научную проблему с целью нахождения путей ее решения. Вследствие этого можно утверждать, что научная дискуссия есть жанр научного дискурса, который, по мнению В. Е. Чернявской, есть «совокупность тематически соотнесенных текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены так или иначе к одной общей теме. Содержание (тема) дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, но в комплексном взаимодействии многих текстов» [9, с. 9].

Во-вторых, функционально-стилистический подход к рассмотрению функционирования категории агональности коммуникации в текстах научной дискуссии позволяет выявить определенный набор языковых маркеров реализации данной категории. Так, анализ корпуса статей показал, что в качестве указателей на несостоятельность идей оппонента могут использоваться следующие языковые маркеры: эпитеты («патологические явления научной литературы», «весьма влиятельная доктрина», «анахроничные и маргинальные сочинения», «иллюзорные представления», «несостоятельный метод», «одиозное явление»), номинации с негативной оценкой («лингвонарциссизм», «патологическая уродливость», «ошибочность представлений», «стремление дилетантов», «авоси-небоси»), метафоры («широко распространенный миф», «тургеневский панегирик», «методологический и нравственный тупик», «самосохранение гуманитарной науки», «триумфальное шествие лингвоконцептологии»), аллюзии («ящик Пандоры», «тяготение к этнолингвистике во вкусе старухи Изергиль»). С другой стороны, для более объективной интерпретации средств языковой репрезентации агональности необходимо учитывать и экстралингвистические факторы, такие как форма общественного сознания, тип мышления и сфера деятельности. Именно поэтому единство функционально-стилистического и дискурсивного подхода позволяет объяснить разную степень выражения агональности речевой коммуникации.

Применяемый подход позволяет сделать вывод о том, что специфика речевого взаимодействия в научном дискуссионном тексте определяется, в большей степени, индивидуальными особенностями языковых личностей коммуникантов и их интенций (стремление к коммуникативному сотрудничеству, кооперации или коммуникативному превосходству, доминированию), которые реализуются посредством определенных коммуникативных стратегий и тактик.

Под коммуникативной стратегией понимается «план по оптимальному воплощению определенного

коммуникативного намерения отправителя сообщения; план, который регулирует: 1) содержание/тему информации, закладываемой им в текст; 2) тот коммуникативный эффект (реакцию адресата), к достижению которого он стремится; 3) выбор и комбинирование языковых средств, обеспечивающих речевое формулирование задуманных целей высказывания» [10, с. 45]. Задача, заложенная в стратегии, достигается постепенно через реализацию меньших составляющих стратегии – речевых тактик, ходов и языковых маркеров. Под тактикой следует понимать «конкретный этап реализации коммуникативной стратегии, определяемый интенцией говорящего, эксплицированной совокупностью приемов, обуславливающих применение языковых средств» [там же]. Кооперативные стратегии и тактики реализуют коммуникативную целеустановку «кооперативное сотрудничество», конфликтные, конфронтационные – коммуникативную целеустановку «конкуренция, состязательность».

По справедливому замечанию Т. Н. Колокольцевой, для каждой языковой личности характерен определенный доминирующий тип речевого поведения. При этом исследователь, ссылаясь на индивидуально-психологические особенности, интенции, уровень образования и другие факторы, выделяет два диаметрально противоположных типа речевого поведения: гармоничное (при котором говорящий стремится к ведению диалога на паритетных началах) и негармоничное (при котором говорящий стремится к коммуникативному доминированию (лидерству любой ценой) [11, с. 120]. Данные интенции, а также указанные выше разновидности состязательности позволяют нам выделить следующие типы агонального речевого поведения участников научных дискуссий: дискуссионный, конфронтативный, идеологический и игровой. Рассмотрим каждый из них.

Дискуссионный тип агонального речевого поведения характеризуется уважительным отношением к оппоненту, желанием понять и осмыслить его точку зрения, преобладанием оценки смешанного типа и выражается в использовании этикетных и персуазивных стратегий и тактик, которые коррелируют с правилами убеждения и ведения корректной дискуссии (тактики снижения категоричности высказывания, тактики авторизации и адресации, приглашения к совместному размышлению, тактики рекомендации, тактики уступки и др.), которые эксплицитно выражают заинтересованность пишущего в получении и развитии нового знания. Следует подчеркнуть, что в данном случае тождество научных позиций коммуникантов не обязательно. Они могут не разделять противоположную точку зрения, указывать на спорные моменты, допускать, что «другой может иметь принципиально отличную точку зрения, которую не

обязательно принимать, но надо признавать ее право на существование» [12, с. 87]. При этом критические замечания выражаются корректно и подтверждаются аргументами в защиту своей позиции:

«Обсудим понимание созвучности С. В. Князевым: “Под степенью созвучности (сонорности) в этом случае понимается уровень громкости, обратно пропорциональный степени суждения в речевом акте при артикуляции данного звука” [Князев 1999: 86]. Во-первых, в системе научной терминологии синонимия нежелательна, поэтому звучность лучше не отождествлять с сонорностью. Во-вторых, отождествление звучности с громкостью неприемлемо, на что указывали и Н. И. Жинкин, и М. В. Панов: любой звук может быть произнесен тихо и громко. Строить на столь зыбком основании теорию слогоделения – заранее обрекать себя на провал» [13, с. 371].

Конфронтативный тип агонального речевого поведения обусловлен стремлением видеть в оппоненте конкурента, «врага» и характеризуется установкой на негативное отношение к содержанию речи оппонента и, порой, его личностным качествам. Участники подобных дискуссий не заинтересованы в коммуникативном сотрудничестве и принятии противоположных научных взглядов. Вследствие этого дискуссия подменяется полемикой, в ходе которой единое мнение по проблеме не может быть выработано, компромисс не может быть достигнут и, как результат, приращение нового знания не происходит. Как справедливо отмечает Н. Ф. Прошунин, «полемист может ставить перед собой исключительную задачу опровержения, т. е. задачу разрушительную, деструктивную, стремясь лишь показать несостоятельность утверждений противника и не предлагая свои идеи взамен» [14, с. 101]. Для данного типа речевого поведения характерно использование тактик «нейтрализации» позиций оппонента (тактика дискредитации, «навешивания» ярлыков, иронизирования, апелляции к читателю, ссылка на авторитет и др.).

В качестве иллюстрации приведем фрагмент из остро полемической публикации А. Павловой и М. Безродного «Ложный вызов» [15], в которой подвергается критике один из представителей новомосковской школы концептуального анализа А. Д. Шмелев. Авторы работы выражают свою категорично негативную позицию относительно его профессиональной компетенции:

«Эти гадания о содержании понятия “лингвокультурология” хорошо иллюстрируют степень знакомства А. Шмелева с ситуацией в современной лингвистике, которую он вызвался комментировать... Языковед, он не обратил внимание на появление за последние двадцать лет целой армии лингво-

культурологии. Педагог – не заметил, как лингвокультурология утвердилась в системе учебных курсов языковых факультетов российских вузов. (Присутствует она и в списке дисциплин, предлагаемых кафедрой русского языка МГПУ, профессором которой А. Шмелев числится) ... Вообще говоря, узнав, что А. Шмелев и не слышал о лингвокультурологии... мы преисполнились к нему чувства *тоскливой зависти* – совсем как столичный экзаменатор к урюпинскому студенту» [15].

Дискуссии подобного рода, по мнению И. М. Сидоровой, являются дискуссиями негативного типа и обладают следующими отрицательными характеристиками: 1) «противоречие воспринимается как ошибка или заблуждение оппонента»; 2) «у субъектов познания отсутствует ориентация на глубокое понимание гносеологических оснований идеи оппонента»; 3) «критика оппонента ведется на основе собственных гносеологических предпосылок, т. е. идеи и понятия оппонента лишаются своего контекста, часто доводятся до абсурда» [16, с. 56].

Идеологический тип агонального речевого поведения, по нашему мнению, обладает теми же особенностями, что и конфронтативный. Однако здесь стремление к конкуренции дополняется идеологическими установками. Данный тип поведения характеризуется в определенной степени публицистичной манерой изложения, открытым выражением враждебности и агрессии, делением на «своих» и «чужих», что находит свое отражение в использовании следующих тактик: создания образа врага, поляризации; агрессии и атаки на оппонента; лозунговая и др. В качестве примера приведем следующий фрагмент:

«Анализ показывает, что физическое содержание теории резонанса является *ошибочным*, а философские установки ее авторов и пропагандистов – *махистские*. Теория резонанса может служить одним из примеров того, как *враждебные марксистскому мировоззрению махистские теоретико-познавательные установки приводят буржуазных ученых и их последователей к лженаучным выводам при решении конкретных физических и химических проблем*... Ясно, что методологической основой теории резонанса является *махистский принцип “удобства” описания* или, что по существу то же – “экономии мышления”, *независимо от того, отражает это описание реальную действительность или нет*» [17, с. 176–178].

Подобное отношение к оппоненту, как считает В. А. Леглер, объясняется тем, что «для любой идеологии всегда существует опасность, что именно она будет признана незаконной. Отсюда вытекает своеобразное отношение идеологии к оппоненту. Оппонент в этом ракурсе – это не уважаемый собеседник, с которым можно обсуждать проблемы, как в любом

виде дискуссии, а противник, враг, своим появлением и вообще существованием угрожающий самому существованию идеологии» [18, с. 70].

Игровой тип агонального речевого поведения характеризуется тактикой использования в тексте иронических комментариев, что позволяет автору текста сочетать дискуссионную агональность с игровой. «Ирония – удобный способ выражения критической оценки работ коллег. С помощью иронии говорящий или пишущий может одновременно апеллировать к рациональному и эмоциональному началу, что, в свою очередь, позволяет решать различные прагматические задачи: критиковать оппонента, утверждать собственную позицию и демонстрировать значимость собственных достижений, развлекать аудиторию, делая текст более доступным и легким для понимания» [19, с. 118]. Ирония, в противовес требованию как можно меньше демонстрировать авторскую индивидуальность в научном тексте, становится заметным сигналом авторского присутствия. В качестве иллюстрации данного положения приведем фрагмент статьи В. И. Беликова, в котором «конкурируют» два способа получения данных для лингвистического исследования: конструирование примеров самими лингвистами и полевые исследования реальной речевой практики носителей языка:

«*Всякий представитель американской и европейских культур неоднократно присутствовал на нарезке колбасы. Интернет открывает большие возможности для выявления того, как этот процесс вербализуется. Поиск в системе Google на “sliced the salami” дает такие поучительные результаты. По данным на 18 мая 2003 г. о нарезке салями 18 раз писали лингвисты, 6 раз – простые смертные. Лингвисты режут салями собственноручно достаточно редко. Среди их друзей и знакомых чемпионом по нарезке салями является Seutoir, причем он всегда делает это неопределенным ножом. Точно так же, with a knife, это проделали John и Joan, также по одному разу, произвели нарезку with the knife. Это что касается любителей, а каким инструментом пользуется профессионал, остается неизвестным: the butcher, который дважды резал салями на глазах лингвистов (делал он это onto the wax paper), оба раза сумел скрыть орудие труда. Впрочем, однажды это удалось и знаменитому Seutoir’у, возможно, потому, что в тот раз он резал колбасу with Sheila. Нелингвисты, рассуждая об этом деликатном процессе, **никогда** не указывают инструмент» [20, с. 26].*

Ироническое описание того, как лингвисты создают искусственные примеры, указывает на слабые места такого способа получения информации: лексическое и синтаксическое однообразие придуманных высказываний, отсутствие подобных примеров в

реальной речевой практике носителей языка. «Победу» в состязании двух подходов одерживает тот, который предполагает работу с носителями языка: «Для нас человечество – это информанты. Их оценка и интерпретация текстового материала и есть бесценное богатство, пренебрежение которым не повышает качества лингвистической теории» [20, с. 28].

Подведем итоги. Предлагаемый нами дискурсивно-стилистический подход к изучению агональности в письменной научной коммуникации позволяет, с одной стороны, выявить языковые средства выражения агональности и проследить характер их экспликации с учетом преобладающего типа речевого поведения участников научной дискуссии. С другой стороны, данный подход позволяет установить границы дискурсов с позиции агональности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В. И. О категориях дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность : социолингвистические и эмотивные аспекты. – Волгоград : Перемена, 1999. – Режим доступа: <http://homepages.tversu.ru/~ips/Jub-Karas.html>
2. Чернявская В. Е. Дискурс как фантомный объект : от текста к дискурсу и обратно? / В. Е. Чернявская // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2011. – № 3. – С. 86–95.
3. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и Принцип Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века : сб. ст. – М., 1995. – С. 34–72.
4. Кожина М. Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций / М. Н. Кожина // Текст – Дискурс – Стилль. – СПб. : Изд-во СПб-ГУЭФ, 2004. – С. 9–32.
5. Баженова Е. А. Научный текст в дискурсивно-стилистическом аспекте / Е. А. Баженова // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2009. – Вып. 5. – С. 24–32.
6. Котюрова М. П. Стилистика научной речи : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / М. П. Котюрова. – М. : Академия, 2010. – 240 с.
7. Шилихина К. М. Состязательность в англоязычном научном дискурсе / К. М. Шилихина // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 2. – С. 15–19.
8. Шейгал Е. И. Агональность в коммуникации : структура понятия / Е. И. Шейгал, В. В. Дешевова // Вестник Челяб. гос. ун-та. – 2009. – № 34. – С. 145–148.
9. Чернявская В. Е. Открытый текст и открытый дискурс : интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность / В. Е. Чернявская // Лингвистика текста и дискурсивный анализ : традиции и перспективы : сб. науч. ст. – СПб., 2007. – С. 7–26.
10. Михалёва О. Л. Политический дискурс : специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалёва. – М. : Либроком, 2009. – 256 с.
11. Колокольцева Т. Н. Антропоцентризм диалога (коммуникативы в диалоге) / Т. Н. Колокольцева // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов, 1999. – Вып. 28 : Антропоцентрические исследования. – С. 114–125.
12. Андреева Г. М. Социальная психология : учебник для высших учебных заведений / Г. М. Андреева. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 364 с.
13. Кретов А. А. Русский слог и «Теория оптимальности» / А. А. Кретов // Лингвистика без границ : сб. ст. пам. д-ра филол. наук, проф. В. Б. Кашкина. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. – С. 370–387.
14. Прошунин Н. Ф. Что такое полемика? / Н. Ф. Прошунин. – М. : Политиздат, 1985. – 335 с.
15. Павлова А. В. Ложный вызов / А. В. Павлова, М. В. Безродный // Toronto slavic quarterly. – 2010. – № 31. – Режим доступа: http://www.utoronto.ca/tsq/31.tsq31_disput_bezrodnyi.pdf
16. Сидорова И. М. Дискуссия в структуре научного знания / И. М. Сидорова. – Рыбинск : РГАТА, 1998. – 98 с.
17. Татевский В. М. Об одной махистской теории и ее пропагандистах / В. И. Татевский, М. И. Шахпаронов // Вопросы философии. – 1949. – № 3. – С. 176–192.
18. Леглер В. А. Идеология и квазинаука / В. А. Леглер // Философские исследования. – 1993. – № 3. – С. 68–82.
19. Шилихина К. М. Ирония в академическом дискурсе / К. М. Шилихина // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. – 2013. – № 1. – С. 115–118.
20. Беликов В. И. Полевая и неполевая идеология в лингвистике / В. И. Беликов // I Международный симпозиум по полевой лингвистике : тез. докл. – М., 2003. – С. 24–28.

Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко

Соловьянова Е. В., старший преподаватель, аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета

E-mail: jsolovyanova@mail.ru

Тел.: +373-778-52-144

Pridnestrovian State University named after T. G. Shevchenko

Solovyanova E. V., Senior Lecturer, Post-graduate Student of the Theoretical and Applied Linguistics Department of Voronezh State University

E-mail: jsolovyanova@mail.ru

Tel.: +373-778-52-144